

И ЛАСТОЧКА, ПАРЯЩАЯ НАД ВСЕМИ

Инна Подзорова

* * *

Дождь чернильными каплями
с вечера отшумел.
Завтра утром пойду у школы собрать листву.
Столько лет не была у доски, не держала мел,
а туда же. И, кажется, сердцем я здесь живу.

Привела первоклашку, решила зайти на чай.
Нашу классную встретила. Время ей как вода:
«Довелось бы почаще
кого-то из вас встречать, —
говорила, — да хоть бы на праздники иногда».

В одноклассниках дочки,
сгребаящих листья в ком,
на секунду увидела маленькую себя.
Мир казался случайностью, а оказался злом,
если ты не стоишь с рождения у руля.

Жизнь казалась огромной, а оказалась — так,
пара кадров в ч/б
на просроченный «кодак», но
встречи с прошлым способны замедлить
привычный шаг,
научив меня видеть раскрашенное кино.

**Стихи участников
Школы
литературного
мастерства
им. А.И. Левитова**

*Город Елец
Липецкой области
12–14 сентября 2025 года*

В новом классе, сказали, не капает с потолка,
жалюзи бы повесить — и можно пускать ребят.
Мел въедается в пальцы, уехала вниз строка —
разучилась. Со временем вспомнится, говорят.

* * *

запахло стружкой, склеенной бруском
не первая попытка — дайте две
мне б в этакой балконной мастерской
набрать гвоздей из банки нескафе

не получить по пальцу как всегда
смотри на этот раз не разошлось
я перепорчу месяцы труда
нет лучшего орудия чем гвоздь

а дедушке возиться не впервой
пока на кухне остывает суп
мы молимся с бабулей над едой
сверяя всякий раз синхронность губ

садись за стол: фаселевый готов
держи солонку если пресноват
я вечно говорю не в глаз а в бровь
и гвозди не умею забивать

* * *

Между школой и садиком строился новый дом —
говорят, для работников банка, хотя потом
всех селили в него: видно, позже решили — пусть.
Что панелек с цветными балконами хватит всем,
что детишкам построят простецкую карусель,
знал последние дни доживавший свое Союз.

Только за угол — ветер накатит и понесет,
и летишь, первоклашка, и кажется: это все,
лишь на маму надежда — что схватит за хохолок
и дойдем до подъезда, где снова цветет герань,
приговаривает баба Зина: «Ты только глянь!» —
и не ведает, сколь небольшой ей отпущен срок.

После выпуска как-нибудь сяду, протру медаль,
разложу пережитое стопками по рядам,
уберу про друзей и возлюбленных в самый низ:
пусть останется дома и светит мне маяком —
иногда приезжаю, живу теперь далеко
и не вижу, как пыль оседает с чужих страниц.

Мама ждет на балконе незыблемо голубом.
Как приеду — достанет мой детский фотоальбом,
от щемящей беспечности спрятанный под кровать,
и пойму: как мудроно дороги бы ни вели,
все равно свой панельно-щербатый клочок земли
до конца колеи буду Родиной называть.

Мария Родина

* * *

Август свернулся в черных антоновских косточках,
Затаившись от холода, с непривычки дрожаще-дряблого.
Я шла через сад в тонкой вязаной кофточке.
Я несла тебе самое лучшее яблоко.
Солнце явилось весною щенком, игриво кусающим пальцы, ласковым;
А сейчас постарело в усталого зверя, спешащего скрыться
за ночную морозную линию.
Осенний туман по листочку на землю стаскивал,
Пряча нежные жилки в кусачем вечернем инее,
Обернув хрустящую плоть красноватых яблок в защитную белую пленку;
Змеи ползут в свои колыбели, помня из снов, как снег заменяет дожди,
И желая улечься в объятьях травы, подобно смешному ребенку.
Я несу тебе самое спелое яблоко, прижимая его к груди,
Спасая от спячки в земле жаркое семечко-август, в соке своем замоченное.
Я несу тебе самое лучшее яблоко.
Мы укусим
по очереди.

* * *

Я расскажу тебе сказку, мой маленький мой хороший
Хрусткую-хрупкую как ледяное крошево
Правдивую как правдив рассвет на востоке
Горькую как в травах июльских соки
Ладную сказку как танец как сон как пение
Неизменную как течение
Сказку жаркую как пламя в ночных кострах
Сказку древнюю словно страх
Глубокую-глыбкую, в которой любой утонет
Мягкую-нежную будто бы жар ладоней
Вечную обреченную сказку как паук в янтаре
Острую сказку как меч при моем бедре
Медовую сказку, на язык положить захочется
Спи мое солнышко
Когда-нибудь сказки кончатся

Глажу тебя пальцами под подбородком;
 Море в испуге сыпучую гальку гладит:
 Что, если камешки все соберут в коробку
 И вместе с ними ракушки с собой прихватят,
 Рыбу и крабов, песок и медуз, и норы,
 Ветки кораллов, привыкших друг к другу жаться,
 И увезут далеко-далеко от моря —
 Как их потрогать, как запахом надышаться?
 Я утыкаюсь носом в твои кудряшки,
 Ты наклоняешь длинную шею в бок.
 У нас полосатые хлопковые рубашки.
 Полотенца на камне, скатанные в комок.
 Пока я с тобой, ничего у меня не пишется.
 Ни стихи, ни романы, ни письма на меил.ру.
 Чем быстрее ты дышишь, тем я тише и тише и
 Даже думаю, что умру.
 Под толщей воды запутались в тросах реи,
 Море нянчит в пучине уснувший флот.
 Ты будто рыбка, брошенная на берег —
 Так широко в поцелуй открываешь рот.
 Тебе так смешно волны в ракушке слушать —
 Мне важен, скорее, узорчатый их окрас.

Если бы завтра внезапно исчезла суша,
 Море бы стало сильнее, чем есть сейчас.

Галька от времени трескается на части.
 Волны все ближе к нашим ногам ползут.
 Я замираю от острого чувства счастья —
 И в сладком отчаянии жду,
 Когда тебя заберут.

Жесткие грани стесаны в полукружья;
 Детская мягкость в углы постепенно сточена.
 Он спрашивал, отпивая из старой кружки:
 Как ты, моя любимая доченька?

Я рассказывала, он улыбался все шире.
 После руку мою ладонями крепко сжал.
 Я помню, как он садился в машину
 И помню, как уезжал.

И, смотря ему вслед, я дышала тише,
 Провожая с голодной преданностью птенца.
 Потому что, когда я его не вижу,
 Не могу вспомнить
 его лица.

Елизавета Стратонова

* * *

светлые волосы на лето
темные — на зиму
гавайскую рубашку раздувает ветром
я хочу влезть на гору
и сорвать с дерева апельсины
в москве плюс двадцать девять
много гавайских рубашек
только воробьевы горы
и нет никаких деревьев
на которых растут апельсины

ДВА НАБЛЮДЕНИЯ

1

на рынке:
прыжок черешни с прилавка в подворот штанин
остался незамеченным
одна ягода
ушла неоплаченной

2

возле шашлычной:
голубь-калека
на беспалых ногах
танцует на столах

Александр Страшинский

* * *

Я ни близким, ни друзьям не ближний.
Сделаю ли милость им? Едва ли.
С детских лет в семье людей я лишний
И не веселюсь на карнавале.

Никаких костюмов я не мерю,
Никогда не надеваю маску...
Но грущу, любуясь мамой в сквере,
Как она нагнулась над коляской.

Я люблюсь мальчиком с девчонкой
И желаю, чтобы в жизни хлипкой
Все плыла ладонь его тихонько
По щеке, приподнятой улыбкой.

Озеро во взгляде отразилось,
Робко дразнит зыбью золотою.
Так чужая жизнь мне полюбилась,
Точно ничего моя не стоит.

* * *

Вспоминаю июньский сияющий луг.
Мы шагаем, шагаем — ты дед, а я внук.

Не часы, а кузнечики тикают здесь,
Точно времени нет — только стрекот и есть.

Сколько будет и щедрых и радостных дней!
И ты шлепаешь звонко на пузе слепней,

Травишь байки, и что-то смешное поешь,
И, внезапно затихнув, травинку жуешь.

Мы на даче. Одни. Из села молоко,
С огорода клубника. Печаль далеко.

Ожидает рыбалка, желанный судак
И таинственный, в травах и книгах, чердак...

А потом ты состарился, еле вставал,
Жил один, телевизор смотрел, выпивал.

На поминках мы пили, но вместо вина
Надо мной, как бутылка, стояла вина.

Но я ездил на дачу и несколько лет
Вспоминал благодарно и щедрость, и свет.

Этих сонных краев не коснулась печаль.
Я на нашей веранде заваривал чай.

Так и жил — и моя благодарность жила.
Возвращался один с молоком из села,

Поворачивал ключ, благодарно входил,
Благодарно ступал, не касаясь перил.

И блестела сквозь все, чего не изменить,
Луговой паутины белесая нить...

Все прошедшее наше по-прежнему здесь.
Да и времени нет — только стрекот и есть.

И твой голос веселый приносит рекой.
И широкий простор. И бескрайний покой.

Ксения Фокина

ГОЛУБЯТНИК

Трость — как верная подруга:
С ней по жизни шаг ровней.
Было это в детстве глупом —
Поневоле стал мудрей.

Помню зиму и салазки!
Пацаны мы, что с нас взять!
Как на тройках, нам на санках
В снег с разгона бы нырять!

Раз — ватага вниз с оврага,
Два — за нею поспевать!
Надо ж мне к тому парняге
Прям под санки подскочить...

Помню только скрежет дикий
Да спокойный проблеск звезд.
В тело въелись острые пики.
Кто-то в дом меня отнес...

Наложили гипса столько,
Что казалось — весь застыл.
Наваждение для ребенка,
Долго в школу не ходил...

Кости все срослись как надо,
Только вывернулась жизнь!
У судьбы под камнепадом
Крепко в трость свою вцепись!

А теперь вот голубятню
Срезали, как пару ног!
Утомил старик вас байкой?!
Ну, пойдем домой, сынок.

Павел Щербаков

* * *

Душа моя — пещеристые скалы,
Душа моя — песчаные обрывы,
В которых ласточки береговые
Приют себе на лето отыскали.

И если вдруг ты взгляд мой обнаружишь
Холодным и слегка печальным, словно
Я что-то силюсь вспомнить, не тревожься,
Не я, не я в тебя смотрю, а птицы.

* * *

В веке, в сущности, безликом,
Мною ценится прохлада.
Квас овсяный с базиликом —
Вот и все, что мне здесь надо.

В полдень жаркий — и у моря —
Выпить кружечку-другую,
Ни о чем ни с кем не споря,
Принимая жизнь любую.

* * *

*Как удивительно в паузах
Воздух поет за него.*

Владимир Соколов

Подобно небо витражу.
Звучит мотив мелодии любимой.
За ласточкой в окно слежу,
За линией почти неуловимой
Ее полета. Двор наш пуст,
И ласточка одна весь день летает,
И музыка старинных люстр
На виражи ей будто отвечает.
И все сливается в одно:
Случайная вода на хризантеме,
Косые тени, и окно,
И ласточка, парящая над всеми.